

Между Кремлем и ГУЛАГом

В самарской галерее "Виктория" открылась выставка венской художницы Анны Ермолаевой "Путь наверх", сделанная московским куратором Андреем Паршиковым. Большинство работ Анны Ермолаевой, которая после своего раннего дебюта на Венецианской биеннале Харальда Зеемана легко взошла на мировую художественную сцену, впервые демонстрируются в России. Из Самары — АННА ТОЛСТОВА.

Заглавная работа "Путь наверх" — одна из двух на выставке, что уже видели в Москве, и это своего рода визитная карточка Анны Ермолаевой. Видеозарисовка сделана на каком-то птичьем рынке: все поле экрана занимает аквариум, набитый крысами и мышами, чье предназначение, похоже, стать кормом для одомашненных хищников. Поэтому с ними не церемонятся: в аквариуме нет корма, грязно, тесно, душно. Прямо как в ленинградских автобусах в часы пик — Анна Ермолаева, еще школьницей бежавшая из СССР под угрозой ареста за "антисоветскую пропаганду", не может их не помнить. Меж тем зверьки, задыхаясь и давя друг друга, все же отчаянно лезут наверх. Здесь напрашивается какой-нибудь патетический трюизм — дескать, сие прискорбное зрелище есть метафора человеческого социума. И к таким трюизмам можно свести любую работу Анны Ермолаевой: ее видеофильмы и фотографии специально так устроены, что лежащий на поверхности смысл считывается легко и моментально — это очень демократичное искусство. Сложнее сказать, в какую секунду этого минутного закольцованного ролика зритель, едва успевший сформулировать довольно абстрактную метафору, попадает во власть эмпатии, начиная ассоциировать себя с одним из пленников аквариума. Это, пожалуй, самое странное свойство ее видео: нечто нейтральное и общее вдруг делается личным и частным переживанием зрителя, вживающегося в чужую, зачастую автобиографическую историю.

На выставке действительно многое про себя. Например, видеодиптих "Shooting", в названии которого обыгрывается двойственный смысл слова, обозначающего и стрельбу, и съемку. На одной проекции — Анна Ермолаева собственной персоной, целящаяся и стреляющая в камеру, на другой — камера под прицелом, ее первая, подаренная родителями камера, приведшая от живописи к видеоарту. Когда стрелок наконец попадает в цель, проекция с ним гаснет — камера до последнего снимала свой расстрел. Эта и другие работы демонстрируют большую искушенность в истории искусства, недаром же по первому образованию художница — искусствовед. Вот фотография "Гора зовет": романтический пейзаж с горой за окном отеля (квазицитата) и обнаженная на кровати (еще одна квазицитата), изгибом тела пытающаяся повторить силуэт горы, то есть буквально вписаться в чуждый альпийский ландшафт. Вот видео "Извилистый путь", объединяющее два любимых образа поп-арта (и общества потребления, соответственно): красная игрушечная машинка бежит по соблазнительным выпуклостям женского тела, как по барханам. Вот видео "Поцелуй": в кадре — головы мужчины и женщины в масках Микки-Маусов, ласки постепенно переходят в жутковатую сцену

каннибализма. Можно считать это пародией на Марину Абрамович и Улая, можно — пародией на отношения мужчины и женщины вообще. Однако самое сильное впечатление производят те работы, где ее внешне простой, но многослойный и фундированный историей искусства язык употребляется для политических высказываний.

В Самаре состоялась российская премьера видеоинсталляции "ГУЛАГ", материалы для которой были собраны в прошлогодней поездке по Пермскому краю — в поисках тех мест, куда была сослана семья отца Анны Ермолаевой, раскулаченные крестьяне. Фотографии и двухканальная угловая проекция: бесконечное, унылое road movie сквозь хлябистую осень, слякоть и снег по бездорожью в никуда и самое это нигде — заброшенная зона, выморочный лагерь. Работу можно было бы считать мемуарной и даже элегической, если бы где-то в этих же краях не сидела сегодня Мария Алехина. С "ГУЛАГом" хорошо рифмуется видео "Исследование позиций для сна", еще одна страница политической автобиографии: около двадцати минут сонная художница позирует на вокзальной скамейке, повторяя позы из ранних видео Брюса Наумана и в то же время пытаясь найти пригодное для сна положение. Когда-то на этом самом месте венского Вестбанхофа стояла другая скамейка — тут Анна Ермолаева с мужем провели около недели, нелегально попав в Вену в 1989-м и ожидая вестей из американского посольства. Та, другая скамейка была удобнее: она не делилась подлокотниками на три сегмента — на ней можно было прилечь. Это незаметная, но говорящая деталь: времена нынче вроде бы более толерантные, но бомжам на вокзалах теперь приходится труднее.

Зато об обратном процессе — приватизации публичных пространств — говорит самая забавная работа на выставке: фотосерия "Кремль-двойник". Фотографии вывешены попарно: на одной — настоящая Красная площадь, на другой — снятый в тех же ракурсах двойник, туристический комплекс в Анталье, с рестораном в виде собора Василия Блаженного, гостиницей в виде Исторического музея и колоссальным бассейном между ними. Говорят, за годы существования турецкого Кремля состав туристов в нем резко поменялся: поначалу он не пользовался интересом у россиян, но теперь большинство курортников — наши соотечественники. Глядя на фотографии, понимаешь почему: отдыхающие отдыхают куда эффективнее, представляя себе, что самое официальное пространство страны превратилось в сказочный бассейн со сказочным (а что может быть более сказочным, чем архитектура Василия Блаженного) рестораном. Анна Ермолаева вносит и личный вклад в девальвацию политической казенщины, снявшись в парижском Музее восковых фигур с непохожим на себя, но почему-то узнаваемым президентом. Ироничный "Автопортрет с диктатором" служит последней точкой в "Пути наверх".